
Фанфик по „Сверхъестественному“
Видимское
Урочище
Александр Пиров

Александр Пиров
Видимское урочище

https://litres.ru/74980449
SelfPub; 2026

Аннотация

Братья Винчестеры продолжают колесить по России — на этот раз их путь лежит в суровую сибирскую глушь, к таинственному Видимскому урочищу. Там, среди безмолвных лесов и забытых троп, они находят дневник пропавшего геолога, одержимого идеей: под землёй скрыты руины цивилизации, опередившей человечество на десятки тысячелетий. Раскопки приоткрывают дверь в непознанное — и пробуждают древнюю инопланетную сущность, питающуюся жизненной энергией людей.

Параллельно разворачивается трагедия полицейского Павла Корягина: теряя близкого человека, он оказывается в эпицентре нарастающего кошмара — город наполняют призрачные тени, а люди становятся "пустыми", лишаясь памяти и чувств. Объединившись с инженером Дашей и патофизиологом Толиком, Павел пытается найти научное решение: создать электромагнитную воронку, чтобы загнать рассеянную энергию в древний зал, стены которого способны её поглотить.

Александр Пиров
Видимское урочище

Дин затянул ремень потуже, скрипнул кожей сиденья и выкрутил руль влево, выравнивая тяжелый нос «Импалы» на занесенном колесной кашей асфальте. Мотор урчал утробно, тяжело, будто давясь сгустками густого таежного воздуха, где за каждым поворотом дорога тонула в свинцовой белизне. Снежная крупа била в лобовое стекло с сухим шелестом, а магнитола давно захлебнулась помехами — вместо рока из колонок доносился лишь металлический, натужный скрежет, словно кто-то тупой пилой водил по проволоке.

Сэм сощурился на тусклый экран прибора, лежащего на коленях. Стрелка электромагнитного датчика билась о стекло циферблата в исступленной лихорадке, зашкаливая за любые допустимые пределы, а графики на крошечном дисплее ломались в вертикальные пики.

— Тут не просто магнитная аномалия, Дин, — бросил Сэм, переводя дыхание и с силой протирая заиндевевшее боковое стекло рукавицей. — Показчики скачут так, будто под нами не заброшенный геологоразведочный поселок, а гигантский ускоритель частиц, который включили на полную мощность. Координаты из казанских архивов сходятся точка в точку, но геодезическая сетка сдвинута градусов на двадцать. Компас вообще крутится волчком.

Дин сплюнул в приоткрытое окно, тут же впуская в салон ледяную иглу мороза, и сжал руль так побелевшими суставами пальцев, что кожаные перчатки затрещали.

— Плевать на компас, Сэмми. Мне хватает того, что температура за бортом падает на градус в минуту, а у меня в багажнике канистры стынут быстрее, чем пиво в холодильнике. Если этот проклятый буровой вагончик пуст, я заставлю местное лесничество лично отгребать этот сугроб до самой трассы.

И тут «Импала» захлебнулась. Восьмицилиндровый гигант дернулся всем корпусом, словно налетев на невидимую бетонную плиту, чихнул сизым дымом из выхлопной трубы и окончательно затих. Приборная панель моргнула тусклым желтым светом и погасла. В наступившей тишине отчетливо был слышен лишь глухой, монотонный треск остывающего металла под капотом и свист ветра в голых вершинах вековых сосен.

Дин выругался сквозь зубы, ударил ладонью по рулю и резко распахнул дверь, впуская в салон густую волну колючего холода. Нащупав за поясом тяжелый ствол с патронами из каменной соли, он выпрыгнул на обледенелую обочину, провалившись по щиколотку в плотный, слежавшийся снег. Сэм последовал за ним, на ходу откидывая капюшон парки и передергивая затвор дробовика, короткий металлический лязг которого потонул в белой мгле.

Прямо перед капотом «Импалы», перегораживая узкую

просеку, лежала огромная, вывернутая с корнем лиственница, чьи ветви напоминали костлявые пальцы утопленника. Но куда любопытнее была свежая, глубокая колея от тяжелого армейского протектора, уходившая вглубь завала.

— Нас опередили, — тихо констатировал Сэм, приседая на одно колено и вглядываясь в продавленный на полметра в наст след. — И судя по глубине, шли на УАЗе с полным приводом.

Дин прищурился, втягивая носом морозный воздух, от которого неприятно покалывало в легких.

— Или местный патруль решил проверить, какого черта столичные туристы забыли в глуши, где даже волки зимой дохнут от скуки. Держи дробовик наготове, Сэмми. Здесь пахнет неприятностями, и почему-то мне кажется, что это не медведь-шатун.

Из белесой пелены снегопада, беззвучно, словно призраки на параде, возникли две фигуры в темно-синих бушлатах с отложными воротниками. Один из них шел впереди, уверенно и жестко переставляя тяжелые кирзовые сапоги, держа табельный пистолет стволом строго вниз, но нацеленный на поражение с полуслова. На левой брови милиционера белел тонкий вертикальный шрам, а серые глаза смотрели с той сухой, выжженой усталостью, какая бывает лишь у людей, привыкших в одиночку хоронить тех, кого не смогли докричаться в тайге.

— Руки наощупь, чтобы я видел пальцы, — голос капита-

на Павла Корягина прозвучал сухо и резко, как удар топора по сухому чурбаку. Он остановился в пяти шагах от капота, не сводя тяжелого прищура с напряженной фигуры Дина. — Выключить мотор, документы на машину и объяснить, какого лешего вас занесло в закрытую по приказу райисполкома зону отчуждения. Вывески «Посторонним вход воспрещен» на въезде в тракт вы, разумеется, не заметили?

Дин даже не шевельнулся, лишь чуть качнул плечом, позволяя тяжелой коже летной куртки глуше лечь на грудь, и выдавил короткую, лишенную всякого веселья усмешку уголком рта.

— Капитан, у вас тут пейзаж такой живописный, что грех не полюбоваться, — процедил он, не сводя глаз с вороненого ствола милицейского пистолета. — А насчет знаков — так их замело снегом еще при царе Горохе. Мы экологи, проверяем уровень радиационного фона после аварии на местной подстанции. Документы в бардачке, но доставать их я буду медленно, чтобы вы случайно не испортили мне обивку сидений.

Павел щелкнул зажигалкой в кармане бушлата, но огонька не зажег — лишь механически гонял колесико туда-сюда, выдавая нервное напряжение человека, исчерпавшего весь лимит терпения.

— Не по уставу это все, — глухо бросил Корягин, шагнув ближе и не глядя кивнув своему напарнику, оставшему-

ся прикрывать отход у УАЗа. — Экологи из Канзаса на вишневом «Шевроле» шестидесятых годов с забитым оружием багажником? Не придумывай сказки, гражданин. Буровики с третьей скважины три дня назад исчезли молча. Рации молчат, в вагончике остывшая печка и недопитый чай, а на снегу вокруг — ни единого следа обуви, кроме тех, что вели к черной ледяной трещине в овраге. И тут появляетесь вы со своими приборами. Говорите правду, пока я не оформил вас как диверсантов.

Сэм сделал шаг вперед, поднимая раскрытые ладони и стараясь говорить максимально мягко, погасив в голосе любые металлические нотки:

— Капитан, поверьте, мы здесь не враги. В том вагончике геологов не просто авария. То, что вы называете трещиной, — это прорыв геотермального пласта, несущего в себе... скажем так, крайне специфические электромагнитные колебания. Они выжигают память и сжирают людей изнутри. Если вы попытаетесь войти туда с обычным отрядом без изоляции, от ваших ребят останутся только пустые мундиры.

Корягин резко вскинул подбородок, а шрам на брови налился темной кровью от сдерживаемой ярости.

— Мне плевать на ваши сказки про колебания! — сорвался он на хриплый крик, в котором отчетливо проступало человеческое горе. — Там моя младшая сестра Оля была геологом! Она три дня назад звонила по спутниковой связи и плакала, говорила, что стены вагончика шепчутся голосами

мамы, которой нет уже десять лет! А вы мне тут про излучение...

Досказать он не успел.

Земля под их ногами внезапно глухо, утробно застонала, словно в глубине многометровой мерзлоты лопнул гигантский стальной трос. Мощный толчок снизу подбросил снежную пыль фонтанами, заставив всех троих инстинктивно присесть, уходя от потери равновесия. Воздух вокруг мгновенно потяжелел, наполняясь запахом озона, паленой шерсти и мертвой, арктической сырости.

В тот же миг табельный пистолет в руке Павла покрылся плотной, искрящейся коркой серого льда, которая с тихим хрустом побежала по пальцам, заковывая железо в неподвижный панцирь. А в темнеющей чаще леса, вдоль заброшенной просеки, одна за другой начали вспыхивать высокие, сутулые тени-силуэты без лиц, тянущие к людям длинные, неестественные руки из спрессованного тумана.

— Шевелитесь, живо! — рявкнул Дин, хватая Корягина за рукав заледеневшего бушлата и с силой дергая на себя.

Милицейский пистолет со звоном упал на наст: серая ледяная корка на металле вспыхнула фосфорическим сиянием, и оружие раскололось надвое, словно было отлито из дешевой пластмассы. Павел ошалело мотнул головой, но профессиональная выучка взяла верх над ступором — капитан пригнулся и бросился следом за братьями сквозь стену ко-

лючей поземки.

Снежный вихрь хлестал по щекам, выбивая слезы, которые тут же замерзали на ресницах. В пятидесяти ярдах впереди, на краю просеки, сквозь серую круговерть проступили очертания длинного вагончика-бытовки. Строительный балок стоял на деревянных лежках, вросший в сугроб почти по самые крошечные квадратные окна, из которых не пробивалось ни единого луча света. Дин первым взлетел на шаткое дощатое крыльцо, подошвы сапог с треском проломили намерзшую наледь.

Он рванул на себя железную ручку. Дверь, обитая вытертым войлоком и жестью, даже не шелохнулась. Изнутри скрежетнул тяжелый засов.

— Эй! Открывай, мать твою! — Дин замолотил кулаком в перчатке по обшивке. — Быстро!

Из-за тонкой двери, сквозь завывание пурги, донесся сдавленный, ломкий мужской крик:

— Пошли прочь! Не подходите! Я вензель на пропановом баллоне сорву, слышите?! Все тут взлетим к чертовой матери! Я знаю, что вас там нет, это фантомы!

— С дороги, — процедил Дин.

Он отступил на полшага, выставил плечо и всем весом врезался в замочную планку. Старый металл жалобно взвизгнул. Второй удар — и промороженная деревянная коробка лопнула с сухим треском пистолетного выстрела. Дверь распахнулась внутрь, впуская в душное нутро вагон-

чика клубы белого пара и ледяного таежного воздуха.

Сэм ввалился следом, на лету вскидывая тяжелый галогеновый фонарь. Луч прорезал полумрак, выхватив из темноты худощавую фигуру в коричневой телогрейке и нелепых круглых очках в проволочной оправе. Анатолий Ребров стоял посреди узкого прохода, вцепившись побелевшими тонкими пальцами в рукоять пожарного топора. Его трясло крупной дрожью, всклокоченные темные кудри липли к мокрому высокому лбу.

— Назад... я ударю, клянусь, ударю... — забормотал он, судорожно сглатывая слюну и щурясь от яркого света.

— Опусти топор, Толик, и захлопните эту чертову дверь! — раздался резкий, командный женский голос из глубины помещения.

Из-за брезентовой перегородки шагнула девушка в ярко-оранжевой штормовке с серебристыми полосами светоотражателей. Даша Соколова держала в руке портативный аккумуляторный прожектор, направив его поверх голов вошедших, прямо в раззявленный дверной проем. Лицо ее было бледным, но губы сжаты в жесткую прямую линию.

— Закрывайте, пока они не просочились внутрь! Голодные твари идут прямо по ионизированному следу! Живее!

Дин пинком захлопнул перекошенную створку, навалился на нее спиной и задвинул сорванный засов, намертво заклинив его подобранным с пола пожарным ломом. Ветер снаружи с яростью ударил в тонкую фанеру стен, вагончик мелко

задрожал на своих опорах.

Винчестер медленно перевел дыхание, оглядывая тесное убежище. Стены балка были сплошь затянуты слоями алюминиевой фольги и медной сетки, поверх которых путались толстые черные кабели. На самодельном верстаке гудел старый полевой осциллограф: зеленый луч на его круглом экране не чертил привычные синусоиды, а бесновался, выдавая ломаные, агрессивные вертикальные пики, напоминающие частокол. В воздухе пахло машинным маслом, остывшей гречневой кашей и едкой гарью перегретых плат.

— Чудно... просто праздник какой-то, — прохрипел Дин, вытирая рукавом оттаявший нос и поворачиваясь к дрожащему очкарику. — Мы только что прошагали мимо десятка туманных образин, которые превращают оружие в сосульки, а вы тут собираетесь устраивать фейерверк с газом?

— Вы не понимаете! — выкрикнул Ребров, роняя топор на дощатый настил и нервно протирая стекла очков полой фуфайки. — Они... это не просто природный феномен! Бурение на тринадцатой отметке вскрыло тектоническую каверну! Пустоту, понимаете? Древнюю каменную полость! Она проснулась, и теперь эта дрянь лезет наверх. Она высасывает тепло! Не физическое тепло печки, а тепло синапсов, нейронных цепочек... тепло из мыслей! Она жрет то, что делает нас живыми!

Даша подошла ближе, убирая со лба выбившуюся каштановую прядь и постукивая пластиковым стилусом по корпу-

су выключенного полевого планшета:

— Толик, прекрати истерику. Погрешность исключена, мы имеем дело с направленным микроволновым и геомагнитным излучением сверхнизкой частоты.

— Да брось ты свои формулы, Дашка! — сорвался Анатолий, часто сглатывая и озираясь на дребезжащие стекла. — Ребята из первой смены... они же не умерли! Их сердца бьются, легкие дышат, но внутри никого нет! Пустые сосуды! С чисто клинической точки зрения это кома, но они ходят! Бродят по снегу и ничего не помнят!

Павел Корягин молча подошел к крошечному столу, тяжело оперся кулаками о столешницу и опустил голову. Пальцы его правой руки машинально дернулись к карману, нащупывая колесико зажигалки.

Сэм снял тяжелые перчатки, бросил их на край узкой койки и склонился над столом, где среди разбросанных радиодеталей лежал толстый полевой журнал в истертом коленкоровом переплете. Страницы были покрыты торопливыми записями, сделанными химическим карандашом, но чем ближе к концу, тем сильнее почерк превращался в неровные каракули.

— Дин, погоди, дай подумать, — вполголоса произнес Сэм, аккуратно перелистывая пожелтевшую бумагу. — Согласно архивам буровой партии, аномалия начала проявляться еще три недели назад. Первый горизонт на глубине

четырехсот метров дал резкий провал давления.

Он разгладил ладонью страницу. Там от руки был вычерчен план урочища. Поверх ровных геодезических отметок жирным черным маркером были нанесены три концентрических круга с радиальными лучами, подозрительно напоминающими древние солярные знаки, которые они видели на каменных плитах под Великим Устюгом, но с одной жуткой деталью: лучи не расходились от центра, а закручивались внутрь, образуя спираль воронки.

— Никакой мистики здесь нет, — настойчиво перебила Даша, подходя к верстаку. Она поправила капюшон штормовки и резким движением сдвинула защелки на тяжелом свинцовом ящике размером с обувную коробку. — Вот источник. Мы подняли керн с горизонта разлома за шесть часов до того, как связь с райцентром накрылась.

Она откинула массивную крышку. Внутри, на подложке из технического войлока, лежал кусок черного, пористого минерала, напоминающего базальт, пронизанный тончайшими серыми прожилками. Камень не отражал свет фонарей — казалось, он буквально впитывал в себя лучи, вокруг него дрожало мутное марево. Но страшнее было другое: минерал вибрировал. Низкий, басовый гул шел от него с периодичностью в четыре секунды, заставляя мелкие винтики на столе мелко подпрыгивать.

Сэм замер. Звук этой вибрации с пугающей точностью укладывался в чистую кварту — ровно тот же интервал, ко-

торый звенел у него в ушах всякий раз, когда они сталкивались с существами старше самого человеческого рода.

— С чисто клинической точки зрения, воздействие этого поля необратимо, — тихо подал голос Толик, прислонившись спиной к обшивке вагончика. — Первая группа буровиков... пять человек. Мы нашли их в двух километрах от вышки. Они стояли на коленях в снегу, сняв рукавицы. Никаких следов обморожения на ранней стадии. Рефлексы сохранны, зрачки реагируют на свет, но высшая нервная деятельность стерта под ноль. Они не помнят своих имен. Не узнают близких. Если положить перед ними кусок хлеба — они не станут его есть, пока не вложишь в рот и не нажмешь на челюсть. У них выжгло саму мотивацию жить. Эмоциональный ноль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.